

Э. Н.

МИР ДЛЯ ТРОИХ

Н. В. Габова

Мир для троих

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55341426

Мир для троих: Издательство «Перо»; М.; 2020

ISBN 978-5-00150-908-0

Аннотация

Повесть «Мир для троих» – о сложных человеческих взаимоотношениях в нашем столь непростом мире, о том, как герои, считая произвольными и сомнительными многие принятые обществом нравственно-поведенческие правила совместного человеческого общежития, распростились с ними, сбрасывая их с себя, как ненужную одежду.

«Я танцую, сочиняю истории, но рано или поздно возвращаюсь в реальность. И начинаю искать ту же самую сказку в людях, в любви, надеясь, что страсть вернёт меня в мир иллюзий», – говорит одна из героинь произведения. К сожалению, не всегда эти поиски увенчиваются успехом...

Автор не фальшивит и не лицемерит, пишет предельно честно, и это, в купе с хорошим литературным языком, не может не подкупать.

Очень чувственно и в то же время с большим тактом описаны сцены физической близости, что сейчас, увы, большая редкость.

Не каждый читатель согласится с некоторыми заключениями автора, которые порой парадоксальны, но они не могут быть неинтересны читателю.

После прочтения повести остаётся приятное послевкусие, как после бокала хорошего сухого вина...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
История 1	15
Глава 2	21
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Э. Н.

Мир для троих

*А Видение, раз пропав, никогда больше не
появляется нигде, кроме картин, книг, снов... Хёрай.
Японские сказания о вещах не совсем обычных*

© Габова Н. В., 2020

Пролог

Что вы думаете о детских воспоминаниях? Их стоит забыть, хранить или использовать для самоанализа – выберите ответ, хоть что-нибудь. Кому их подарить: психологу, любимому человеку или оставить себе на память?

Иногда (по крайней мере, мне так кажется) думаю о том, что лучше забыть. Посмотрите, как сильно мы отличаемся от детей. Взрослость – это вторая жизнь, самое сложное – определить дату перехода. Парадокс в том, что увидеть границу можно только постфактум. А вашим наследием станут особенности внешности, пара-тройка привычек, несколько людей и дорога, на которую вы ступили.

Однажды вы просто приходите в себя. Теперь Вы есть взрослый. Тот ребенок, которым когда-то являлись, теперь в Раю и наблюдает с леденцом за щекой за Вами – взрослым.

Глава 1

День был похож на разобранный кубик Рубика, что неудивительно – он никогда мне давался. Вот и сегодняшний день был сплошь пятнами, не увязывающимися в целое. Мне назойливо вспоминался период до знакомства с Луизой. Дело не только в ней, точнее, в нас – что-то неясное не давало покоя, тянулось через месяцы и годы, то утихая, то снова ломая узор. Станный это союз ощущений: что-то неясное в то же время может быть привычным и даже изученным.

Дневная работа сорвалась. Мы уже собрались в офисе: я, мой начальник – мужчина приятного спокойного характера, секретарша – безлика, строгая, с правильным макияжем, кажется, она идеально подходит своему рабочему месту. Были ещё два человека, кажется, из отдела продаж – точно не могу вспомнить.

Курьер принёс документы. Полчаса – не опоздание. Мы выпили чаю, безлика секретарша предложила ещё, все отказались. Думается, будь она более человечной, попросили бы и чай, и печенье к нему. Дана напоминала робота, обтянутого кожей, с правильно отрегулированной яркостью макияжа. Помню, первые недели знакомства всё любопытно было встретить её случайно в городе, смеющейся в компании друзей или хотя бы покупающей хлеб и молоко.

Прошло полчаса, и секретарша снова появилась в кабине-

те с сообщением о том, что партнёр не сможет явиться на встречу. Меня отпустили сразу. Алексей Иванович, наш директор, ушёл к себе – звонить.

Всё как-то сразу распалось. Незнакомые мне сотрудники быстро попрощались и так же быстро растворились в коридоре, Дана собрала посуду и вообще перестала обращать на людей внимание. Солнце освещало пустую переговорную, большую и светлую, с так и не тронутой маркерной доской. Наверное, это не очень правильно – проводить переговоры в солнечный день.

Стоял понедельник. Для меня давно стало привычкой работать вне стандартной схемы. Нет, даже не привычкой, а так было всегда. И это тот случай, когда попробовать другое не возникает желания. Приятно было выйти из офисного здания не на обед, а «навсегда». Порой я забываю это чувство, но сегодня мне слишком много думалось и чувствовалось. Всё в разных оттенках: и спокойном голубом, и тоскливо-фиолетовом, и непонятном жёлтом.

– До свидания, – охранник удивляется, увидев меня спустя чуть более часа.

От нечего делать они точно следят за нами. Алексей Николаевич часто шутит на этот счёт.

– До свидания. Переговоры отменились, – на всякий случай сообщаю я на ходу, зная, что охране велено выписывать пропуски.

Общаться не хотелось, хотя в обычные дни и перекидыва-

емя, бывает, несколькими фразами.

За мной закрывается тяжёлая стеклянная дверь. Офис находится не на одной из главных улиц. Дорога, ведущая к нему, даже не примыкает к большому проспекту. Но всё равно недалеко, во временном измерении около десяти минут. Сегодня мне захотелось пойти не по обычному пути, а через двор. Сворачиваю, обхожу здание и оказываюсь на старом дворе. Давно некрашенные малочисленные детские сооружения образца девяностых, песочница с отвалившимся деревянным боком, железяка, на которой можно выбивать ковёр (никто так ни разу и сказал мне, ка правильно она называется). Я сажусь на низкую деревянную скамейку. Как раз в тени дерева.

Заметно, что за двором следят, земля на клумбе взрыхлена. Всякий раз, оказавшись в подобных местах, думаю о людях, которые каждый день выходят из таких вот подъездов, идут этим путём, надевают одежду, подобранную для этой дороги. Люди в богатых районах, люди старых кварталов, они ходят в разные магазины, они даже не смотрят друг друга на улице, словно жители параллельных миров. Их мысли никогда не пересекутся, даже в самых обыденных размышлениях, вроде того, «что приготовить на ужин» или «пора починить кран», они пойдут по разные стороны. Наверное, скоро таких дворов совсем не останется или, благодаря их обитателям, что-то да сохранится, я не знаю.

Мне некуда торопиться. Погода хорошая. В деловой одеж-

де не очень комфортно, не люблю так одеваться, но и это не мешает желанию немного посидеть здесь. Не знаю, отчего возникла моя любовь к подобным местам, то ли они напоминают детство, то ли причина в моей повышенной чувствительности к ауре вещей. С подросткового возраста мне посчастливилось бывать в разных городах и странах, но ни за что мне не хотелось бы жить в городе, в котором исчезли старые дворы.

Из подъезда выходит женщина в черных бриджах и цветастой футболке, за ней черный Дружок – дворняжка. Дверь подъезда открывается и закрывается со скрежетом. Скрежет и скрип – декорации старых дворов и лета. Скрипят качели, со скрежетом отрываются двери железных гаражей, овощехранилищ, подвалов. Карусель-вертушка издаёт своё недолгое «и-и-и» всякий раз, начиная новый круг. В руках женщины сумка, напоминающая авоську. Прошли – и снова безлюдье. Вспоминаю: недалеко от этого места с конца весны и до первых холодов открыт уличный рынок.

Скрежет двери и игра солнечных бликов создают то особенное настроение лета, какое бывает на картинах художников. Что-то спокойное и бесконечно недоступное. Так много света вокруг, что создаёт иллюзию свободы, будто мир открыт и ничего от нас не скрывает. Ни о чём не думается, но то не приятная расслабленность; тяжесть, которую я вдруг ощущаю не только в голове, но и всем телом. Пора домой, где по приходу я, даже не задвинув шторы, ложусь на кро-

вать и проваливаюсь в тяжелый без сновидений покой.

* * *

Когда просыпаюсь, понимаю – нет необходимости смотреть на часы, за окном появился первый неясный силуэт ночи. Неуклюже поднимаюсь на ноги. Такой странный день получился. И уже под конец мне приснилось вдруг нечто яркое, слишком реалистичное: люди, дом с множеством дверей, ребёнок, который почему-то был котом, что-то происходило вокруг нас всех, и было вроде как правильно там находиться; от реалистичности сна веяло неприятным, как от клоуна, узнай вы, что его грим и есть лицо.

Встаю, завариваю на кухне чёрный чай. «Включить свет или нет?»

Я люблю силуэты, которые входят в квартиру по вечерам. Тени или тускнеющие солнечные лучи, а то и лунные – они как зеркала, отражающие другую реальность.

Чай готов. Как обычно, из чайника, наполненного до краёв, проливается немного. Одной рукой уже держу чашку, другой вытираю пятно, бросаю тряпку куда-то в район раковины. Пью горячий напиток, в голову приходят разные мысли, навеянные сном, но как само сновидение, они неясны, просто клубок переживаний. Думаю что-то о хороших и плохих людях, о том, как часто из плохого произрастает хорошее, и что тогда? Кто-то устроил пожар, а кто-то, рискуя жиз-

нюю, стал героем. Кто-то врач, но не лучше ли вовсе без болезней. Глупые, стыдно – банальные мысли, не обремененные ни малейшим внутренним контролем. Не было желания поделиться ими вслух даже с Луизой. Впрочем, и её самой сейчас не было рядом.

К слову, сегодня вообще было тихо, обычно можно слышать соседей за стеной или сверху, но не сейчас.

Встречать ночь в одиночестве – лишний повод начать курить. Часто представляю, как удобно иметь повод выйти на улицу, когда тебе заблагорассудится, не ища «магазинного» предлога.

Луиза не пришла. Что она делает, когда не приходит? По вечерам. На самом деле, всё равно жду её. Ожидание в сослагательном наклонении: о чём бы мы говорили, что бы она отвечала, во что была бы одета.

Потушив свет, сажусь в кресло напротив большого окна. Шторы сдвинуты к краю, слабый свет покидающего город солнца переносит меня в прошлое, когда и нам, детям, следовало возвращаться домой, под эти гаснущие минуты. Запах пыли – спутник любых игр. Аромат тёплых вечеров. Сижу. Вспоминаю. Комната меняется, из уютно-вечерней превращается в самодостаточную, принадлежащую ночи, а не человеку. Тени, паук в углу, вот уже и я в своей недвижности кажусь частью мебелировки. Живой в такие моменты бывает только Луиза. Она бы подошла. Устроилась рядом в кресле или прямо на полу. Думаю, мы бы молчали.

Впрочем, так и есть. Мы действительно молчим. Находясь на своих местах. Я здесь, в комнате, она где-то, где она есть. Но всё равно молчим вместе.

Ночью не могу заснуть. Знаю, в такие моменты советуют не доканивать себя лежанием, а встать, переключиться на что-нибудь. Или имеется средство лучше. Я редко к нему прибегаю, даже не каждый месяц.

Включаю настольную лампу, роюсь в пространстве прикроватного столика в поисках пузырька со снотворным, тотчас вспоминаю! Оно закончилось.

«В каком месяце это было? Полгода назад?»

Не могу вспомнить, значит, давно. Это хорошо. Сажу на краю кровати, думаю. Спать, как показывают истёкшие полтора часа, не получается. Значит, начну дела по списку, и первым станет покупка снотворного. Можно было смотреть фильм, читать, даже работать, но всё не то, мне словно бы необходимо было поступить по-другому, пусть уж странности этого дня превратятся в фантасмагорию.

Сколько раз вы гуляли ночью в одиночестве? Я не имею в виду короткую прогулку от машины до подъезда или спешное возвращение от друзей за полночь. Нет, обыкновенная прогулка. Мне не удастся вспомнить, бывало ли такое со мной.

Одеваюсь быстро, беру ключи с полки, гашу свет и выхожу. Непривычно. Подъезд наполнен светом тусклой лампы и тишиной. Лучше бы не будить соседей, так, из вежливости.

Выхожу на улицу, изо всех сил стараясь не скрипнуть дверью.

Теперь это город фантазии. Силуэты, расплывшееся пятно фонарного света и собственное воображение, разумеется. Там, где зрение бьётся о темноту, фантазия набирает воздуха и ныряет в самую тьму. И поскольку в ночи всё узнается с трудом, можно представить, будто я не в квартале от своего дома, а значительно дальше. Только что это меняет? Минуты гипноза, время, найденное в тёмном переулке – всё, чем я себя вознаграждаю. Меня не должно здесь быть в этот час. Но я здесь. Краду чьи-то вдохновение и идеи, однажды, когда кто-то напишет музыку или картину о ночи, я буду знать, что мне довелось увидеть это раньше.

Домой возвращаюсь через час. И если вначале меня преследовали какие-то философствования, то теперь просто хочется спать. Пузырёк со снотворным отправляется в тумбочку нераспакованным.

Уже засыпая, где-то между утром и этой бессмысленной ночью, вспоминаю историю, которую мы с сестрой и братом слышали в детстве. Что-то о смысле и бессмыслии. Тщетности и выборе или же отсутствии оного. О том, что человек делает, ведь каждый из нас подвержен деланию чего-либо. О простоте и удовлетворении ею. По крайней мере, так виделась история нам.

История 1

*Поискам потерянных вещей мешают людские
неистребимые привычки, и потому всегда так
трудно найти то, что ищешь.*

Габриель Гарсиа Маркес

Будильник прозвенел в без десяти пять утра. Девушка привычным жестом провела по экрану телефона и тут же сунула руку обратно под одеяло. Контраст температур ничуть не способствовал желанию просыпаться.

Она не выносила ранних подъёмов. Несмотря на модные веяния о том, что себя можно переделать и что главное – желание и прочая мотивация, она оставалась совой, хоть и длились эти чудовищные подъёмы уже в течение многих месяцев.

Девушка пожертвовала ступнями, высунув их из-под одеяла для привыкания. В без четырех минут она сидела в кровати. В без двух стояла в коридоре в халате.

Почти год назад она получила предложение о работе. Надо сказать, занятость у неё имелаась. Идеальное место, куда приезжать следовало пару раз в месяц, остальную же работу – сводки, таблицы – выполняла дома. И вот это необычное предложение.

Минутная стрелка выпрямилась. Ровно в пять утра раздался звонок в дверь.

Привычными, что называется, «на автомате» действиями, она открыла дверь, почти не глядя на пришедшего, протянула руку, ей дали небольшую коробочку. Посыльный тоже действовал привычно. Едва его ладонь освободилась от веса, он развернулся. Четыре шага до лестничного марша и вниз по ступеням. Впрочем, девушка давно закрыла дверь. Не очень-то ей хотелось вглядываться в лицо незнакомца в это время дня, когда сама она предпочитала, чтобы на неё не смотрели.

Процедура повторялась в течение всех этих месяцев. Строго по вторник, в пять утра ровно к ней являлся посыльный. Отдавал небольшую посылку – какая-то коробочка, обернутая коричневой бумагой. А через неделю являлся другой – и забирал. Оба носили синие штаны и ветровку, всё неприметное. Как это часто бывает у лиц, облачённых в форму, при желании их можно было не различить, хоть и были они разного роста и на лицо не похожие.

Первое время девушка вставала раньше. Тщательно умывалась, расчёсывала волосы. Пришедшим улыбалась и здоровалась с ними. Вскоре, возможно, даже к своему облегчению, она поняла: это пустое. Они не смотрели друг на друга, встречи их не длились и половины минуты. «Синяя куртка» что-то отдавал и забирал. За время их встреч волосы отросли до самого пояса, девушка не заботилась их причёсывать, порой она сомневалась, продолжают ли к ней ходить те же посыльные, что были в начале, или они меняются. Самым

сильным её чувством было желание вернуться в постель. Всё происходило в состоянии дрёмы. Вставание, ходьба по коридору и этот ритуал с неясным смыслом, он только больше размывал настоящее.

Наконец, обратно в кровать, чтобы уснуть сразу, а когда встанет во второй раз, по-настоящему встанет, тогда и начнётся день.

Что было внутри посылки, об этом ей не сказали. И от чего-то чувствовалась, что спрашивать не стоит. Их быстрый контакт с посыльными, плата, которую она получала на банковскую карту в назначенный срок, работу ей предложил по телефону бесцветный голос незнакомца – всё будто намекало на существование неких границ. Вскоре любопытство пропало. То ли потому что память не хранила происходящего в столь ранний час, то ли потому что работа есть работа. Делай её хорошо, а большего не требуется.

В конце августа шли дожди. От тяжёлой сырости и неприятного промозглого воздуха девушка стала особенно безразличной по утрам. Открывая дверь посыльному, она вздрагивала от сквозняка, бьющего по босым ногам. Скорей, скорей бы отделаться и с головой утонуть в тепле тяжёлого одеяла.

Любопытство вернулось вместе с теплом. В самом конце августа, когда лето готовилось передать ключи осени, вспыхнуло солнце, настоящее, летнее солнце! И не день, не два. Девушка успела получить посылку, дожидаться вечера накануне возврата.

Она побывала на чьём-то празднике. Купила новые платья. Её пригласили на свидание. Она принесла домой охапку желтеющих листьев, сделала букет. А посылка лежала в ящике рядом с обычными коридорными принадлежностями: кремом для обуви, запасной связкой ключей и прочими вещами.

От солнца обострялось счастье, обострялось желание, пришло любопытство. Сначала ей просто нравилось предполагать, что может лежать внутри. Одна догадка, другая. Для верности девушка даже измерила коробку на глаз. Но человеческий разум не приемлет одних лишь «может быть», требовался ответ, вполне определённый.

Девушка не узнавала саму себя. Прежде ни одна вещь или явление не вызывали в ней ничего похожего на манию. Одна лишь врождённая честность удерживала её от того, чтобы не открыть посылку: она обещала это голосу в телефонной трубке. Не было подписано ни одного документа, ей поверили на слово.

За день до утра, когда посылку должны были забрать, ожидание поселилось в каждом часе. Девушка и дома-то не была, но, кажется, мысли о посылке положила в косметичку вместе с губной помадой, повязала вокруг запястья вместе с часами или, быть может, они осели на ее теле вместе с капельками духов. Пока говоришь сама или слушаешь интересного собеседника, можно не думать; пока тебя отвлекают рекламные вывески, перед глазами не стоит посылка, обернутая в

бумагу; проходит час, затем ещё один. Ближе к ночи, чтобы уснуть, наконец; а утром будет всего несколько минут до того, как раздастся стук в дверь.

Будильник прозвенел в без двадцати пять утра. Девушка привычным жестом провела по экрану телефона, заставила себя сесть и убрать одеяло. За двадцать минут она умылась, расчесала волосы, даже успела что-то съесть. (По утрам всё ей казалось безвкусным и неприятным). В пять ноль-ноль раздался звонок в дверь. Девушка вытащила посылку из шкафчика и повернула дверной замок. Она вдруг разволновалась, протягивая курьеру сверток. Почувствовала себя глупо, неправильно, её желание узнать, что внутри, показалось чудовищным нарушением всяких границ! И когда она уже открыла рот, обратилась к курьеру взглядом и словами, ей захотелось вдохнуть звуки голоса обратно в себя.

– Эмм... простите...

Курьер равнодушно замер. Пришлось продолжить:

– Я..подумала...а что там внутри? Если можно узнать...

Ей показалось, курьер кивнул. Затем он развернулся и ушёл, как всегда, пешком, без лифта; и ничего не изменилось, только посылка на этот раз осталась в руках девушки. Не нужно было думать, принимать решения, она просто открыла её. В бумагу была завернута шкатулка, она была украшена красивым узором и заслуживала большего внимания, но девушка не могла ждать. Крышка легко открылась. Внутри лежал свёрнутый напополам лист белой бумаги. На нём

она прочла адрес. И как-то машинально определила: «Не так уж далеко».

На следующее утро, когда девушка спустилась на улицу, все ещё спали. Во дворе не гуляли даже с собаками. У подъезда стояла машина. Дверь была не заперта. В зажигание вставлен ключ, а в подставке стоял кофе, её любимый. Она сделала глоток и оглянулась на заднее сидение. Из прозрачного пакета торчала синяя куртка. Девушка пальцами отогнула ворот: размер «М», тот, что носит она. Штаны проверять не стала. Допьёт кофе, переоденется и поедет по адресу.

Глава 2

Утро следующего дня было поздним. У меня выходной. Приятно проснуться под звуки пианино. Это сосед за стеной. Заканчивает музыкальное училище и играет уже настолько хорошо, чтобы считаться лучшим на курсе. Вношу посильный вклад в его образование: никогда не жалуясь на «шум».

Зная, что играть он будет ещё какое-то время, умываюсь, привожу себя в относительный порядок и усаживаюсь завтракать в компании Шопена. Приятно для настроения. Ни следа обычной утренней хандры. Вчерашние переживания перемолоты и забыты. На время, конечно. Но сейчас, именно в это утро, не думается ни о чём лишнем. Всё спокойное и обычное с положительным оттенком данного определения.

Любопытно, мой друг-пианист завтракает перед игрой? Это у него вроде утренней тренировки спортсмена или обязательно должно прийти вдохновение? Он играет не каждое утро. За этими размышлениями и за завершающими аккордами проходит мой завтрак. Из-за музыки забываю о привычной утренней вылазке на балкон – проверить погоду. Не то, чтобы меня сильно пугала перспектива промахнуться с выбором одежды, но всё же.

Вообще, меня всегда интересовали люди, посвятившие себя чему-либо. Такие, которые говорят: «нельзя пропустить тренировку» или «нужно купить третью струну для гитары».

Скейтер, балансирующий не столько на краю тренировочной горки, сколько на краю возможности перелома. Они – увлечённые – часами отработывают танцевальные па и учатся попадать в ноты, как иные – в центр мишени на стене. Говорят, люди, одарённые талантом, не добиваются многого, так и не научившись трудиться. Но, думается мне, они как раз единственные, кто получает удовольствие. И нельзя ни на что променять эту чистую радость, живущую здесь и сейчас! Что может стоять в сравнении с ней бесконечное ожидание будущих побед! Знаю одну такую балерину, одарённую талантом и необременённую честолюбием.

А я наблюдаю. Сотни видов деятельности – тысячи увлечённых. Я же в качестве зрителя знаю обо всём. Меня не преследуют страх утраты, запреты, бесконечная гонка. И эта нелепая привязанность к будущему, к одному-единственному мигу победы, который состоится с долей вероятности. Все эти люди будут, смогут, научатся, сделают. Но они ли взойдут на вершину или это будет уже другой человек старше на пять, десять лет. Некто будущий насладится победой.

Увлеченные хотят вырваться за рамки реальности. Знаете, как мотоциклист, разгоняющийся внутри шара. Он ограничен им же. Так и все эти люди, сколь бы ни пытались, после вернутся к обычным делам: шампунь от перхоти, ремонт машины. Труд их будет тщательно оценен бухгалтером: каждая минуты тренировки и даже триумфа.

Луиза разделяет эти убеждения. Одна из многих причин

нашего союза. «Мы всегда готовы к концу света. Спасать будет только друг друга», – шутит она. Конечно, в этом есть некая взаимная зависимость, она необременительна, ибо мы похожи во многом. В различиях же полностью самостоятельны, как, например, вчера, что провели порознь.

Тем временем мой музыкант заканчивает игру. Через полчаса с ним можно будет пересечься на лестничной площадке, будто случайно. Похвалить или же равнодушно промолчать, что сложнее.

* * *

Время проходит само собой. Нужно сделать несколько письменных переводов, до срока сдачи далеко, но лучше пусть лежат готовые. Несмотря на то, что в офис ехать не нужно, отдаю часть свободного времени этой работе. Сначала думалось пойти в кафе и сесть там важно с ноутбуком где-нибудь в углу, потом решаю сделать всё дома по-быстрому. Летом стоит только открыть окно, и не понадобится много усилий на пресловутый позитивный настрой и создание настроения. Пока работаю, ухмыляюсь этим осовремененным мыслям внутри меня.

После полудня приходит Луиза. Располагаемся в спальне. Моя комната выглядит довольно современно. На одной из стен фотообои с изображением то ли Лондона, то ли Петербурга. Все предметы в пространстве помещения крупные.

Никаких сувениров и фоторамок. Луиза говорит, в таком интерьере можно снимать кино. Комната достаточно большая, чтобы помимо кровати вместить громоздкий, выбивающийся из общего ансамбля, книжный шкаф, кофейный столик и большой во весь периметр ковёр. Это важно, потому что сейчас мы сидим именно на полу, листаем принесённый моей подругой журнал. На страницах новейшие достижения робототехники. Слова «новейшие» и «робототехника» кажутся тавтологией. Незнакомые названия ищем в Интернете, нам нравится произносить новые сочетания звуков и пытаться понять, почему именно это слово для данного предмета. Порой узнаём части слов и сами догадываемся, что они значат. Так было, например, с эскапизмом. Тогда мы читали статью в журнале по психологии, помнится, Луиза принесла его из-за повального увлечения фильмами о психиатрических заболеваниях. У них в библиотеке даже провели семинар на тему, опасно это или нет, и стоит ли рекомендовать подросткам книги и киноленты о самоубийствах и смерти, коих выпускается немалое количество. По большому счёту ни меня, ни её сильно не волновала тема подростковых фобий. Читая, мы наткнулись на термин «эскапизм». Рядом стоял открытый ноутбук. В глаза сразу бросилась клавиша «Esc». «Ага, – сказали мы в один голос, – вот почему она так называется». Не было нужды переводить сразу вспомнившийся английский глагол (escape – скрываться). Значит, эскапизм – о людях, которые скрываются, вероятно, уходят в себя. Кла-

виша Esc, так и есть, сворачивает и выключает. Гемофилия и гематоген дают возможность догадаться, что означает гемофобия. Инсектицид и инсектофобия – какое облегчение не страдать ею.

Или так, мы смогли сообразить, что означает синдром Ван Гога, когда вспомнили об отрезанном ухе, точнее, небольшой его части, как поправила позже наша подруга-балерина. Над синдромом Мюнхгаузена думали дольше, не очень-о легко догадаться, что страдающие недугом рассказывают не небылицы в принципе, а конкретно придумывают себе болезни.

Кроме робототехники, нашими гостями бывают «Современная медицина» (в которой и текст понимать не так важно – зато фотографии невероятные), «Самолётостроение», «Профессиональный гримёр», «История эмоций». По правде, мы не учёные. Даже не пытаемся специально запомнить хоть что-то. Игра со словами и та не является целью. Но как это невероятно – войти в двери чужого мира! Взять с полки книгу, которой, ну просто никак не должно было оказаться в твоей жизни. Что касается «склада» в голове, против которого выступал Шерлок Холмс, нас он не смущает. В конце концов, все знания состоят из одних и тех же слов, перетасованных по-своему. На каком-то этапе философия пересекается с физикой, а мы выуживаем из стопки библиотечных книг «Апории Зенона»¹. Старенькое, потрепанное, от-

¹ Апории Зенона – суждения о движении и множестве, автор – Зенон Элейский.

выкшее от прикосновения пальцев, издание.

В итоге мы не привязаны ни к чему, даже к уютной глупости. Глядим со стороны за гонкой-конкуренцией и получаем от неё удовольствия не меньшее, чем сами участники. Ведь, так или иначе, но для победы нужен не только противник, но и зритель. Мы всего лишь наблюдатели мира, но разве не нашего внимания так упорно добиваются увлечённые?

Половина дня проходит за бездельем и беседами. Готовить лень, едим вчерашнее. За разговорами не замечаем, как посуда становится вымытой и расставленной в кухонном шкафу. Вечером, уже в кровати, рассматриваю рисунки опускающихся сумерек – тени на стене. Комнате очень подходят те, что прямоугольные с чёткими углами.

Перелистываю сводки в Times. Библиотека снабжает население и таким. Из душа выходит Луиза. На ней футболка до бёдер, а-ля наряд с плеча бойфренда. Ни слова не говоря, она подходит к кровати. Стягивает с меня мою футболку. Луиза нависает надо мной, опираясь на локти, целует грудь, шею и, наконец, губы. Долго, соблазнительно. Сдаётся первая. Чувствую вес её тела.

* * *

Утро врывается в комнату не солнечными лучами, а звонком будильника. У меня есть такой, настоящий круглый будильник, их дарили на работе, когда мы сотрудничали с се-

тью магазинов, торгующих необычными подарками. Мы долго рассуждали потом, как вышло так, что будильник вдруг стал необычным сувениром, а робот-пылесос – почти домашним любимцем.

Выключаю звонок. Второй, согласно настройкам, будет через пятнадцать минут, а, согласно моему состоянию, между первым и вторым будто вообще нет временного промежутка.

Близость, конечно, была не лучшей идеей, если подходить к этому вопросу с практической стороны: утром рано вставать и ей и мне. Полностью просыпаемся, не имея иного выбора, со вторым звоном будильника, вокруг неприятная утренняя серость, такая, когда хочется включать свет с самого утра.

– ...Утро, – бормочет подруга, вероятно, первое слово – «доброе».

Отвечаю что-то вроде «угу».

Дальше главное – меньше думать. Встать, умыться, позавтракать, напомнить себе, что день рано или поздно закончится, и ты сможешь вернуться в постель.

Когда выхожу из ванной комнаты, вижу, как Луиза сидит на краю простыни, расчёсывает волосы. Догадываюсь, что делает это уже довольно долго и без надобности. Её способ не то, чтобы проснуться, хотя бы не задремать снова. Щётка бессмысленно скользит по волосам, подруга не поворачивает головы, не говорит со мной. Словно она сама один из тех

роботов, о которых пишут в журналах.

Называю Луизу сонным жаворонком. Ей вроде и не сложно вставать по утрам. Но требуется время, чтобы движения моей подруги набрали привычную скорость. Медленно, но, по крайней мере, ничего не роняя, она готовит горячий завтрак: гренки, резаный сыр, свежий чай. Хочется пошутить, что так она искупает вину за мой недосып, но мозг отказывается соединять мысль с языком. Я утра совсем не люблю безо всяких поблажек, даже поздние.

С улицы доносится шум давно начатого дня: автомобили, люди. После прочтения апории о куче зерна² думается о том, сколько нужно людей, чтобы тихие в общем-то шаги и шарканья превращались в гул толпы.

Открываю окно на среднее положение, ветра нет, только приятная свежесть.

По обыкновению молчу ещё час после пробуждения. Как два незнакомца, перемещаемся мы вдоль коридорных стен и между кухонной мебелью. Перед выходом целуем друг друга: страстно или рассеянно, по настроению, причём по настроению Луизы, моей энергии не хватает на подобные сложности. И расходимся на целый день. Перед уходом Луиза чуть не забывает взять со столика письмо, обычное старомодное письмо в конверте, так они переписываются с приятельницей с её первого места работы. Когда-то Луиза проходила прак-

² Апория о «Куче»: каждое отдельное зерно падает на землю бесшумно, тогда отчего мешок зерна падает с шумом? Автор: Зенон Элейский

тику в библиотеке при научном институте.

Библиотека, в которой работает моя подруга сейчас, одна из крупнейших в стране. Здание, пусть и не старинного образца, имеет некоторую архитектурную ценность как минимум для жителей города. Это монументальная постройка начала двадцатого века с толстыми стенами, высокими потолками. Со стороны оно представляет собой куб безо всяких изысков и, наверное, оттого выделяется на фоне современных европейского вида красавцев-домов. Библиотека вмещает несколько книжных залов, компьютерный комплекс для изучения электронных материалов и вообще со свободным доступом в Интернет для желающих, оборудованный конференц-зал и даже библиотечное кафе. Про него стоит сказать отдельно. Здесь мы с Луизой познакомились, но и само по себе оно заслуживает должного описания.

Наше кафе – это шесть столов и стойка вдоль окна на четыре персоны. Здесь, конечно, любят обосноваться блогеры. Подруга моя беззлобно, но с постоянством швейцарских часов, подшучивает над ними. Слева от себя они кладут шапку, справа ставят стакан с напитком из серии авторских, посередине всей этой композиции располагается сам «младший брат» журналиста. Переписывается с кем-нибудь, фотоснимки редактирует, возможно, даже по-настоящему работает.

Интерьер заведения меняется по настроению управляющего. То лаконичный чёрно-белый минимализм, то вдруг яркие скатерти: жёлтые, малиновые, проникнутые духом 60-

х, нашёлся у них и проигрыватель для грампластинок. Обычно играет лёгкий джаз.

В день нашего знакомства шёл дождь, и время было такое, когда кафе пустует: дообеденное. Обстановка, проникнутая вчерашним днём, требовала замены. Тёмно-коричневые в клетку скатерти, изображение танцовщиц кардебалета на стенах – всё походило на следующий после праздника день, тусклый и замерший. Впрочем, то, что творилось за окном, было ничем не лучше. Будто пересадка в путешествии, когда остаётся только сидеть и ждать.

Помню, как это было. Передо мной чашка остывающего бульона. Пытаюсь читать – не могу сосредоточиться. Тогда чуть разворачиваюсь и замечаю сбоку (буквально через столик) девушку. Обычно не люблю таких, готовых вот-вот расплакаться. Но эта отличалась. Слезы, вызванные скорее силой, нежели банальной слабостью. (Впрочем, и слабость не так обыденна и понятна, как порой кажется). Когда не нужен зритель. И она, эта девушка, не ждала утешения. В тот момент я понимаю: ни один человек не смог бы сказать ей чего-то успокаивающего, потому что не столько слова, сколько сам утешитель стали бы лишними.

«Что ей сделалось, – думаю я. – Мимо скольких вещей до этих слёз она смогла пройти мимо».

Губы девушки сжаты в упрямую линию, а глаза полны слёз. Нежность, оберегаемая силой. Не знаю, чего мне хочется: близости с ней или дружеского участия. Она вся кон-

траст. Произведение искусства. Худая, как балерина. В лосинах, чёрном топе, поверх которого надет большой не по размеру свитер. Изящная, даже артистичная, и такая простая в своём неприкрытом побеге. Если положу руку на её плечо, то сдержусь ли от того, чтобы не коснуться губ?

Я смотрю на незнакомку. Неожиданно чувствую на себе чей-то взгляд, и замечаю Луизу!.. Она смотрит на неё, на меня. И будто бы даже на киноленту моих мыслей. А я не чувствую смущения перед ней. И в этот момент влюбляюсь. Влюбляюсь в мою Луизу.

Что касается девушки, мы познакомились. Она действительно оказалась танцовщицей. Современный балет. Выступала в самых разных кулисах; тем вечером – на уличной сцене. (Не представляю, как бы они справились, если бы не кончился дождь). Мы (уже вместе с Луизой) подошли после концерта. Алина, как оказалось, также запомнила нас по встрече в кафе. И, подобно нам, не смутилась.

В тот вечер не удалось никуда сходить вместе. Рабочий день Алины не ограничился концертом. Наверное, и к лучшему, мы с Луизой, едва познакомившись, хотели быть вдвоём, впервые взяться за руки, впервые не отвести смущённо глаза. Помню, мы пошли в парк аттракционов, наступил сырой после дождя вечер, народу почти не было. Гуляли в нашем парке в лучах сохнувшего солнца, то тут, то там жёлтые лучи узкой полосой освещали какой-нибудь конкретный предмет: пластмассовую гриву лошади, дверную ручку ко-

фейного ларька, фигурку гнома, украсившего фонтан. Мы были одни, мы были вдвоём, взрослые, но как дети, впервые влюблённые. Мне всё думалось, когда же взять её за руку. Она взяла первая.

В балетном классе происходило то, чего я не знаю. Можно предположить и наверняка догадаться, что танцоры сидели прямо на полу, по-турецки, или, прислонившись к стене, обсуждали концерт. Один из них, парень с кудрявой шевелюрой, растягивался у станка. Вошёл руководитель, все замолчали, он что-то говорил им, что-то хорошее. Алина, наверное, сидела за чьей-нибудь спиной, ничуть не заботясь о том, чтобы её непременно заметили и похвалили по имени. Но, думается мне, эта её уловка срabатывает в точности да наоборот: все ждут похвалы от неё самой.

Она настолько хороша на сцене, что никому и в голову не придёт оспаривать это. Удивляет другое. Девушки в труппе бьются за место примы, но не она. В конечном счёте они оказываются рядом: прима и наша Алина. Спустя некоторое время после знакомства на вопрос, почему бы ей, собственно, и не занять привилегированную позицию, Алина ответила отрицательно. «Не хочу быть одна», – таков был её главный аргумент. «И вот ещё что, – добавила она, подумав, – кто-то в труппе должен соблюдать правила, чтобы я могла оставаться свободной».

С того памятного вечера мы вместе с Луизой как пара. С Алиной как друзья. Часто, ночуя втроем, мы спим в од-

ной постели, взявшись за руки. Алина посередине. Один писатель сказал: «Дружба – это любовь без страсти». Пожалуй, он прав. И за такую дружбу стоит быть благодарными.

Глава 3

Неделя – как убывающая луна: сходит со среды на четверг. Луиза дорабатывает свой библиотечный день. Дождливая погода благоволит её ремеслу. Даже на работе замечаю на столе шефа – Алексея Ивановича – книгу со специальным штампом. Сегодня до четырёх часов пополудни велись переговоры. Некоторое время после мне всё ещё было сложно переключиться, так что всю дорогу до дома меня сопровождало эхо чужих голосов. Память, странное явление, порой никак не может успокоиться. Наконец, стены офиса сменились деревьями, а голос шефа – окликом соседа. Не того, что пианист, а «добряка-менеджера», как назвала его однажды Луиза. Этого человека мы ни разу не видели в обычной, неделовой одежде или со скучным, ничего не выражающим выражением лица. Оставалось только гадать, улыбается ли он, когда его никто не видит. Возможно, что да. Что он из тех, кого радует сам факт существования и делания чего-то нужного.

Вечер четверга провожу за изучением статьи, посвящённой терапии психологических заболеваний с помощью компьютерных игр. Издание привлекает меня не в первый раз, но, на удивление, сделан журнал абсолютно неудобно: его ни согнуть, ни разогнуть, часть букв тонет в месте скрепления листов. Неоднократно приходила в голову мысль по-

искать электронную версию, может быть, чтение с ноутбука окажется не менее уютным, всё-таки это не художественное произведение, которое непременно хочется чувствовать не только глазами, но, по возможности, быть к нему ближе, а тексты о современных технологиях. Автор описывает больных, осознающих недуг и успешно переносящих свои «причуды» в дополненную реальность. Речь не только об агрессивном поведении. Предполагается использовать игры в качестве тренажёра для людей с проблемами общения или самоидентификации.

«Каким был бы мой персонаж», – поневоле проносится в голове.

Читаю дальше. Пишут также об использовании сериалов в терапевтических целях. Врач должен изучить предпочтения больного, это в некоторой степени заменяет обычные тесты, затем порекомендовать что-то к просмотру.

«Любопытно, сколько всего должен пересмотреть сам терапевт? Они после какой-то экзамен на знание сюжетов сдают»?

По мнению специалиста – автора статьи, предполагается два основных направления терапии: пациент сосредотачивается на ситуациях или же на конкретных персонажах; в зависимости от его проблемы врач выбирает один из вариантов.

Отвлекает пришедшее на телефон сообщение. К счастью, он лежит рядом, тянусь к экрану, придерживая страницы свободной рукой. Луиза. Пишет: «Сегодня не приду. Экс-

курсия для японцев. На работе допоздна. Крепко целую. Развлекайся». Смайлики: поцелуй и сердечко. Ухмыляюсь и посылаю в ответ полный набор: улыбки, сердца всех цветов, фейерверк. Знаю, Луиза не в восторге от вечеров, проведённых на работе, наверное, всё время будет наблюдать, а потом расскажет, как вели себя наши и не наши, как ей на слух японский язык (по-моему, вживую она его ни разу не слышала)и ещё какие-нибудь сведения, анализировать которые её со скуки придёт на ум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.